

О понятии наукоучения, или так называемой философии. 1794. (Фихте И.Г.)

Часть 1.

Фихте И.Г.

О понятии наукоучения,

или так называемой философии

Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т.1. О понятии наукоучения, или так называемой философии. СПб.: Мифрил, 1993. С.7-64.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Чтение новых скептиков, в особенности Энезидема¹ и превосходных сочинений Маймона², вполне убедило автора этой статьи в том, что для него и раньше было в высокой степени вероятным, именно, что философия еще не возведена даже и новейшими стараниями остроумнейших людей в ранг достоверной науки. Он думал найти причину этого и открыть легкий способ совершенно удовлетворить все вполне обоснованные требования скептиков в критической философии и вообще так примирить догматическую и критическую систему в их спорных притязаниях, как примиряются критической философией спорные притязания различных догматических систем*. Не привыкши говорить о предметах, которые он еще должен создать, он или выполнил бы свой план, или же навсегда

· Собственно спор, который идет между обеими, и в котором скептики с правом стали на сторону догматиков, а с ними и здравого человеческого рассудка (последний в высокой степени должен быть принят во внимание, правда, не как судья, но как допрашиваемый по пунктам свидетель), — мог бы быть спором о связи нашего познания с некоторой вещью в себе; этот же спор мог бы быть разрешен будущим наукоучением в том смысле, что наше познание связано с вещью в себе, правда, не непосредственно через представление, но посредством чувства, что вещи несомненно представляются только как явления, но что они чувствуются как вещи в себе; что без чувства невозможно никакое представление; но что вещи в себе познаются только субъективно, т. е. лишь поскольку они влияют на наше чувство. (Примеч. к 1-му изд.) умолчал бы о нем, если бы настоящий повод не показался ему призывом дать отчет о прежнем применении своего досуга и о работах, которым он предполагает посвятить будущее.

Настоящее исследование не имеет притязания ни на какую иную значимость, кроме гипотетической. Но из этого совершенно не следует, что автор вообще не положил в основание своих утверждений ничего, кроме недоказанных предположений, и что они не должны быть результатом более глубоко идущей и твердой системы. Правда, он надеется только по истечении нескольких лет быть в состоянии изложить ее для публики в достойной форме; но справедливости, что ее не будут отрицать, не проверив ее в ее целом, он ожидает уже теперь.

Первое назначение этих листов было — дать возможность судить учащимся юношам высшей школы, в которой автор призван преподавать, могут ли они довериться его руководству по пути к первой из наук и могут ли они надеяться, что он внесет в нее столько света, сколько им нужно, чтобы пройти этот путь без опасного спотыкания; второе — получить суждение его доброжелателей и: друзей о своем предприятии.

Для тех, которые не принадлежат ни к первым, ни ко вторым, на случай, если им попадет эта работа в руки, предназначаются следующие замечания.

Автор до сих пор глубоко убежден, что никакой человеческий ум не проникает дальше границы, у которой стоял Кант, в особенности в своей "Критике способности суждения"; ее, однако, он нам никогда не определял и не выставил как последнюю границу конечного знания. Автор знает^ что он никогда не будет в состоянии сказать того, на что Кант уже не указал опосредствованно или непосредственно, яснее или туманнее. Он предоставляет будущим эпохам измерить гений человека, который, с той точки, на которой он нашел философскую силу суждения, словно руководимый вдохновением свыше, так мощно двинул ее к ее конечной цели. Он так- же глубоко убежден, что, после гениального ума Канта, философии не мог быть сделан высший дар, чем систематическим умом Рейнгольда³; и он признает почетное место, которое всегда будет утверждаться за элементарной философией последнего при дальнейших успехах, какие необходимо должна сделать философия в чьем бы то ни было лице. Не в его образе мыслей злостно отрицать чьи-либо заслуги или желать их уменьшить; он видит, что каждая ступень, которой когда-либо достигала наука, должна быть достигнута, прежде чем последняя будет в состоянии ступить на высшую; он воистину не почитает за личную заслугу — быть призванным счастливым случаем к работе после превосходных работников; и он знает, что вся заслуга, которая здесь может иметь место, опирается не на счастье нахождения, но на честность искания, относительно которой каждый может только сам себя судить и вознаградить. Он сказал это не ради тех великих людей и не ради им подобных, но ради других, не столь великих людей. Кто находит лишним, что он это говорит, тот не принадлежит к тем, для кого это сказано.

Кроме этих серьезных людей, есть еще шутники, которые предостерегают философа — не делаться сметным через преувеличенные ожидания от своей науки. Я не хочу решить, смеются ли они все от души в силу природенной веселости, или нет ли среди них таких, которые только принуждают себя к смеху, чтобы отбить охоту у неопытного в жизни исследователя от предприятия, на которое они по понятным причинам смотрят недоброжелательно. Так как я, сколько я знаю, доселе не давал выражением таких высоких ожиданий пищи их насмешке, то, может быть, мне будет позволено просить, не ради философов и еще менее ради философии, но ради их самих, воздержаться от смеха до тех пор, пока предприятие совершенно не удастся и будет брошено. Пусть тогда они насмеются над нашей верой в человечество, к которому они сами принадлежат, и над нашими надеждами на его великое призвание; пусть тогда они повторяют столь часто, сколь они в том нуждаются, свое утешение: нельзя помочь человечеству; таковым оно было, таковым оно всегда и будет!

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Это- маленькое произведение распродано. Я нуждаюсь в нем, чтобы сослаться на него в моих чтениях. Если не считать некоторых статей в "Философском журнале Общества немецких ученых", оно остается доселе единственным, в котором философствование в наукоучении само служит предметом философского исследования; поэтому оно и служит введением в эту систему. Эти основания побудили меня выпустить новое его издание.

Даже цель и сущность этой работы часто не понималась, несмотря на ее определенное заглавие и ее содержание; и при втором издании будет необходимо определенно высказаться об этих предметах в предисловии, что я считал совершенно бесполезным в первом издании.

Метафизика, которая только должна быть не учением о мнимых вещах в себе, но генетическим выводением того, что встречается в нашем сознании, может в свою очередь стать предметом философского изучения -- могут быть предприняты исследования о возможности, действительном значении и правилах такой науки; и для обработки самой науки это было бы весьма полезно. Система подобных исследований называется в философском отношении критикой; по крайней мере, следует только указанное обозначать этим именем. Критика сама не есть метафизика, но лежит вне ее: она относится к метафизике точно так, как последняя относится к обыкновенному воззрению естественного рассудка. Метафизика объясняет это воззрение, а сама получает объяснение в критике. Собственно критика критикует философское мышление: если сама философия также должна называться критической, то про нее можно только сказать, что она критикует естественное мышление. Чистая критика, например кантовская, которая себя объявила критикой, всего менее чиста, но в большей своей части сама — метафизика: она критикует то философское, то естественное мышление; этого совершенно нельзя было бы поставить ей в упрек, если бы только она вообще частью определенно указала на только что сделанное различие, частью же указывала бы при отдельных исследованиях, в какой области они лежат, — чистая критика, говорю я, не включает в себе ни малейшей примеси метафизических исследований; чистая метафизика — прежние обработки наукоучения, которые объявляли себя метафизикой, не были в этом отношении чистыми, да и не могли быть таковыми, так как этот необычный образ мысли мог проложить себе путь лишь с помощью придатка критических намеков, — чистая метафизика, говорю я, не содержит дальнейшей критики, кроме той, которая должна быть применяема уже до нее.

Сказанное точно определяет сущность настоящей работы. Она — часть критики наукоучения, но ни в коем случае не само наукоучение или его часть.

Я сказал, что она — часть этой критики. Она занимается в особенности установлением по содержанию отношения наукоучения к обыкновенному знанию и к возможным, с точки зрения последнего, наукам. Но есть еще иной способ рассмотрения, который может очень много способствовать получению правильного понятия нашей системы, ограждению его от ложных толкований и его укоренению: это рассмотрение отношения по форме трансцендентального мышления к обыкновенному, т.е. описание точки зрения, с которой трансцендентальный философ смотрит на все знание, и его настроения в умозрении. Автор полагает, что с достаточной ясностью высказался относительно этих вопросов в своих двух Введениях к новому изложению наукоучения (в вышеуказанном журнале за 1797 год), в особенности во втором. Наука и ее критика взаимно поддерживают и объясняют друг друга. Только когда будет возможно чистое изложение самого наукоучения, станет легко дать систематический и законченный отчет о его приемах. Да простит публика автору предварительные и неполные работы, доколе он сам или кто-либо другой не сможет их закончить.

В этом новом издании изменено только несколько оборотов и выражений, которые не были достаточно определенными; опущены некоторые примечания под текстом, которые втягивали систему в споры, от которых она пока еще может себя избавить, и весь третий отдел (гипотетическое разделение наукоучения), который имел при своем составлении только временное значение и содержание которого с того времени гораздо подробнее и яснее изложено в основаниях всеобщего наукоучения.

Выпуская снова произведение, в котором я впервые заявил свою систему, может быть, кстати будет привести нечто из истории приема, который эта система до сих пор встретила. Немногие воспользовались более благоразумным приемом сначала спокойно помолчать и несколько обдумать; большинство показало откровенно свое глупое изумление перед новым явлением и встретило его слабоумным смехом и пошлым издевательством. Из этих более добродушные хотели верить, в оправдание автора, что все дело было только плохо выдуманной шуткой, но другие серьезно обдумывали, как его вскоре можно будет поместить как призреваемого в известные благотворительные учреждения. Было бы очень поучительным вкладом в историю человеческого духа, если бы можно было рассказать, как принимались некоторые философские теории при их первом появлении; и настоящая утрата, что мы уже не обладаем более вырвавшимися во время первого удивления суждениями современников о некоторых старых системах. В отношении кантовской системы есть еще время издать собрание ее первых рецензий со знаменитой рецензией "Геттингенской Ученой газеты" во главе и сохранить для будущих эпох эти курьезы. Для наукоучения я хочу сам взять на себя это дело и, чтобы положить начало, прилагаю к этому произведению две замечательнейшие сюда относящиеся рецензии, само собой разумеется, без всяких к ним замечаний. Философская публика, которая теперь лучше знакома с моей системой, не нуждается в подобных замечаниях, а для авторов этих рецензий достаточно большое несчастье, что они сказали то, что они в них говорят*.

Все же, несмотря на этот отпугивающий прием, эта система имела вскоре после того более счастливую судьбу, чем какая выпала на долю какой-либо другой. Многие молодые высокоодаренные головы схватились за нее, и один заслуженный ветеран философской литературы после долгой и зрелой проверки дал ей свое одобрение. От объединенных усилий столь многих хороших голов можно ожидать, что вскоре она, достаточно многосторонне изложенная и широко примененная, вызовет то изменение в настроении философствования, а через него и научного мышления вообще, которое она имеет в виду. Несмотря на сходство оказанного ей первого приема с приемом ближайшей предшествовавшей системы — или, как полагают хорошие знатоки, другого изложения той же самой системы, что я не без достаточных оснований принимаю также (я, впрочем, торжественно отказываюсь далее спорить об этом), — несмотря на сходство обеих систем, говорю я, все же, хотя, как это уже понятно о кантианцах, прием, оказанный наукоучению, был грубее и невежественнее, чем прием, оказанный сочинениям Канта, я надеюсь, что обе системы, или оба изложения, будут иметь неодинаковый успех; в образовании толпы рабских и грубых подражателей. Отчасти надо бы надеяться, что немцы испуганы только что происшедшим печальным событием и не воз-

Первая из двух рецензий касается произведения Шеллинга "О возможности формы философии вообще"; она анонимна; ее автор — простодушный и тупоумный кантианец. Вторая рецензия — о первом издании настоящего произведения Фихте и об основании всеобщего наукоучения — составлена проф. Беком из Галле и показывает, что и этот очень одаренный мыслитель не имел достаточной самоотверженности, чтобы признаться, что для него наукоучение было закрытой книгой. Обе рецензии взяты из издаваемых Яковом в Галле "Анналов философии" (1795 г.)*. ложат на себя два раза подряд ярмо подражания; отчасти мне кажется, что избранное доселе изложение, избегающее мертвой буквы, равно как и внутренний дух этого учения, защитит его от бессмысленных повторений; также нельзя ожидать и от друзей этого учения, что они хорошо отнесутся к подобному почитанию.

Для завершения системы следует сделать еще неопишимо много. Теперь едва только положено основание, едва сделано начало постройки, и автор хочет считать все свои

предшествовавшие работы лишь за предварительные. Твердая надежда, которую он теперь может питать, что ему не придется изложить наудачу свою систему в той индивидуальной форме, в которой она ему впервые представилась, в мертвой букве, для какой-либо будущей эпохи, которая его поймет, но что он придет по этому предмету к соглашению уже со своими современниками и с помощью их советов, через совместную обработку многих, приведет ее к более общей форме и оставит ее живой в духе и образе мыслей эпохи, — все это изменяет план, который он наметил при первом ее опубликовании. Он не будет теперь идти далее в систематическом развитии системы, но постарается сначала многосторонне изложить открытое доселе и сделать его совершенно ясным и очевидным для каждого беспристрастного человека. Начало этой работы уже сделано в вышеназванном журнале, и она будет продолжаться, как только позволят это мои ближайшие занятия как академического доцента. Многие ставшие мне известными замечания показали, что благодаря этим статьям зародился свет в сознании многих; и если в образе мысли публики о новом учении не произошло более общего изменения, то это происходит от того, что этот журнал не особенно распространен. Для этой же цели я, как только позволит мне время, выпущу новый опыт строгого и чисто систематического изложения основ наукоучения.

Йена, день Михайловской ярмарки 1798 года

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

О ПОНЯТИИ НАУКОУЧЕНИЯ ВООБЩЕ

§ 1. ГИПОТЕТИЧЕСКИ УСТАНОВЛЕННОЕ ПОНЯТИЕ НАУКОУЧЕНИЯ

Чтобы соединить разделенные партии, вернее всего исходить из того, в чем они согласны.

Философия есть наука; в этом настолько же совпадают все описания философии, насколько они разделены при определении объекта этой науки. Что если это отсутствие согласия происходит от того, что понятие науки, за которую единодушно признается философия, не вполне развито? Что если определение этого единственного всеми принятого признака окажется вполне достаточным, чтобы определить само понятие философии?

Наука имеет систематическую форму; все положения в ней связываются в одном единственном основоположении и в нем объединяются в одно целое, это также признают вообще все. Но разве этим исчерпывается понятие науки?

Допустим, что кто-либо, основываясь на каком-нибудь безосновательном недоказуемом положении, — например, что в воздухе находятся существа с человеческими склонностями, страстями и понятиями, но с эфирным телом, - развил систематическую естественную историю этих существ, что само по себе вполне возможно; разве мы признали бы за науку подобную систему, какая бы ни была в ней строгая последовательность и как бы ни были тесно связаны ее отдельные части между собой? Или, положим, кто-нибудь приведет какое-либо единичное положение, например рабочий — утверждение, что установленная перпендикулярно по прямому углу к горизонтальной плоскости колонна, продолженная до бесконечности, не будет склоняться ни к одной из сторон плоскости; об этом положении он раньше слышал и нашел ему подтверждение в многократном опыте*; тут всякий признает, что он обладает наукой о сказанном, хотя он и не может систематическим образом, геометрически, доказать свое положение из первого основоположения своей науки. Почему мы не называем наукой ту стройную систему,

основанную на недоказанном и недоказуемом положении, и почему мы называем наукой знание второго, не связанное в его уме ни с какой системой?

Без сомнения, потому, что первая при всей своей правомерно школьной форме все же не содержит ничего, что можно знать; а последний без всякой школьной формы высказывает нечто, что он действительно знает и может знать.

Сущность науки, как можно было бы заключить отсюда, состоит поэтому в свойствах ее содержания и в отношении последнего к сознанию того, о котором говорят, что он знает; и систематическая форма при этом была бы только случайна, для науки она была бы не целью, но только лишь средством для цели.

Это может быть принято в качестве предварительного допущения. Если вследствие какой-нибудь причины человеческий дух может только очень немного знать достоверно, все же остальное может только мнить, предполагать, чутя, произвольно допускать и все же вследствие какой-либо причины не может удовлетвориться этим ограниченным и неверным знанием, то не будет для него другого средства его расширить и утвердить, как только сравнивать недостоверные знания с достоверными и из сходства или различия — да разрешат мне предварительно эти выражения, пока я не получу время, чтобы их объяснить, — из сходства или различия первых с последними заключать об их достоверности или недостоверности. Если бы они были подобны какому-либо достоверному положению, он мог бы с достоверностью допустить, что они также достоверны; если бы они были ему противоположны, он знал бы, что они, стало быть, ложны, и был бы застрахован от дальнейшего о них заблуждения. Он бы достиг этим если и не истины, то по крайней мере освобождения от заблуждения.

Скажу яснее. Наука должна быть единым, целым. Положение, что колонна, установленная на горизонтальной плоскости под прямым углом, стоит перпендикулярно*, будет для того, кто не имеет никакого связного знания геометрии, несомненно, чем-то целым и постольку — наукой.

Но мы рассматриваем также и всю геометрию как науку, хотя она содержит и многое другое, кроме этого положения; как и в силу чего множество положений, самих по себе различных, становится одной наукой, одним и тем же целым?

Без сомнения, в силу того, что отдельные положения не были бы вообще наукой, а становятся ею только в целом, только через свое место в нем и отношение к нему. Но через простое соединение частей никогда не может возникнуть нечто такое, чего нельзя было бы найти в одной из частей целого. Если бы ни одно из соединенных положений не имело достоверности, то и происшедшее через объединение целое не будет ее иметь.

Отсюда следует, что должно быть достоверным по крайней мере одно положение, которое придавало бы другим свою достоверность; так что если и постольку это первое достоверно, то должно быть достоверно и второе, а если достоверно второе, то постольку же должно быть достоверно и третье и т. д. Таким образом, многие, сами по себе, может быть, очень различные, положения будут -именно потому, что они все имели достоверность, и одинаковую достоверность, — иметь одну общую достоверность и через это будут образовывать только одну науку.

Только что названное нами безусловно достоверное положение, — мы допустили только одно такое — не может получить свою достоверность через объединение с другими, но должно ее иметь уже до него: ибо из соединения многих частей не может произойти

ничего, что не заключалось бы ни в какой части. Но все прочие положения должны получить свою достоверность от него. Оно должно быть достоверным и установленным до всякого связывания. Никакое же из других положений не должно быть таковым до связывания, но должно получить свою достоверность лишь через него.

Вместе с этим отсюда ясно, что наше вышесделанное допущение есть единственно правильное и что в науке может быть только одно положение, которое до связывания достоверно и установлено. Если бы было несколько подобных предложений, то они или не были бы совершенно связаны с другими и тогда не принадлежали бы к одному и тому же целому, но образовали бы одно или несколько отдельных целых, или же были бы с ним связаны. Но положения не должны быть между собой иначе связаны, как через одну и ту же достоверность: если достоверно одно положение, то должно быть достоверно и другое, и если одно недостоверно, то не должно быть достоверным и другое; и только взаимное отношение их достоверности должно определять их связь. Но это не может иметь силу по отношению к положению, которое имеет независимую достоверность от других; если его достоверность должна быть независима, то оно достоверно даже и тогда, когда другие недостоверны. Следовательно, оно вообще не связано с ними через достоверность. Такое достоверное до соединения и независимое от него положение называется основоположением. Каждая наука должна иметь основоположение, она даже могла бы состоять по своему внутреннему характеру из одного-единственного самого по себе достоверного положения, которое в таком случае, правда, не может быть названо основоположением, так как оно ничего не обосновывает. Но она не может иметь более одного основоположения, ибо тогда она образовала бы не одну, но несколько наук.

Кроме достоверного до объединения положения, наука может содержать еще несколько положений, которые познаются как достоверные только в связи с ним и таким же образом и в той же мере, как и оно. Эта связь состоит, как только что указано, в том, что показывается, что если положение А достоверно, то должно быть достоверным и положение В, а если это достоверно, то таковым должно быть и положение С, и т. д.; и эта связь называется систематической формой целого, состоящего из отдельных частей. Для чего же нужна эта связь? Несомненно, не для того, чтобы проделать фокус объединения, но чтобы дать положениям достоверность, которую само по себе ни одно из них не имеет: таким образом, систематическая форма — не цель науки, но только случайное, при условии, если наука состоит из многих положений, применимое средство для достижения ее цели. Она не сущность науки, но случайное свойство последней. Наука есть здание; главная цель этого здания -- устойчивость. Фундамент устойчив, и как только он заложен, цель была бы тем самым достигнута. Но так как нельзя ни жить на голом фундаменте, ни защищаться им одним против намеренного нападения врагов или против слепой непогоды, то на фундаменте возводят по бокам стены и над ними крышу. Все части постройки скрепляются с фундаментом и друг с другом, и через это здание делается устойчивым; но не для того строят устойчивое здание, чтобы его скреплять, но скрепляют для того, чтобы здание было устойчиво; и оно устойчиво, поскольку все части покоятся на твердом фундаменте.

Фундамент устойчив, и он утверджен не на каком-нибудь новом фундаменте, но на твердой поверхности земли. На чем же мы должны возвести фундамент нашей научной постройки? Основоположения нашей системы необходимо должны быть достоверны до самой системы. Их достоверность не может быть доказана в ее пределах, но каждое такое возможное доказательство уже предполагает эту достоверность. Если они достоверны, то все, что из них следует, также достоверно, но откуда же следует их собственная достоверность?

И если бы мы ответили также и на этот вопрос, то разве перед нами не возникнет новый, отличный от первого? При постройке нашего научного здания мы хотим заключать следующим образом: если основоположение достоверно, то достоверно и другое определенное положение. На чем основывается это "то"? Что именно обосновывает необходимую связь между обоими положениями, вследствие которой одному присуща та же достоверность, которая присуща и другому? Каковы условия этой связи, почему мы знаем, что они суть ее условия, условия исключительные и единственные? И как мы приходим вообще к тому, чтобы признать необходимую связь между различными положениями и исключительные, но исчерпывающие условия этой связи?

Короче: как можно обосновать достоверность основоположения в себе; как можно обосновать правомочие определенным образом выводить из него достоверность других положений?

То, что должно заключать в себе само основоположение, и то, что оно должно сообщить всем прочим положениям, встречающимся в науке, я назову внутренним содержанием основоположения и науки вообще; способ, которым основоположение должно передать другим положениям это содержание, я назову формой науки. Поэтому вопрос ставится так: как возможны вообще содержание и форма науки, т. е. как возможна сама наука?

Нечто, в чем будет дан ответ на этот вопрос, будет само наукой, и именно наукой о науке вообще.

До исследования нельзя определить, возможен ли ответ на указанный вопрос или нет, т. е. имеет ли все наше знание познаваемое твердое основание или, как бы тесно ни были между собой связаны его отдельные части, все же в конце концов не основано ни на чем, или, по крайней мере, ни на чем для нас. Но если знание должно иметь свое основание для нас, то вышеуказанный вопрос должен допускать ответ, и должна существовать наука, где такой ответ на него дается; а если есть такая наука, то наше знание имеет познаваемое основание. Таким образом, до исследования нельзя ничего сказать об обоснованности или обоснованности нашего знания; и возможность требуемой науки может быть доказана лишь через ее действительность.

Наименование такой науки, возможность которой до сего времени проблематична, произвольно. Если, однако, можно показать, что почва, которая по всему сделанному до сих пор опыту представляется годной для построения науки, уже застроена принадлежащими ей зданиями, и есть только одно незастроенное место, именно то, которое нужно для науки о науках вообще; и если, далее, можно найти под знакомым именем (философии) идею науки, которая хочет быть или стать наукой и которая не может прийти сама с собой к согласию о месте, на котором она должна быть построена, -- то не будет ошибочным указать ей найденное пустое место. Разумелось ли до сих пор под словом "философия" именно это или нет, не имеет значения; и тогда эта наука, если бы она действительно сделалась наукой, не без права отбросила бы имя, какое доселе она носила далеко не из чрезмерной скромности, имя, подобающее знахарству (Kennererei), любительству, дилетантизму. Нация, которая найдет эту науку, будет, конечно, достойной дать ей имя из своего языка*; и она может называться тогда просто наукой или наукоучением. Так называемая до сих пор философия стала бы, таким образом, Наукой о науке вообще.

Существует даже система философской терминологии, необходимая во всех своих выведенных частях посредством правильного следования законам метафорического обозначения трансцендентальных понятий; только один основной знак предполагается

произвольным, так как необходимо всякий язык произволен в своей исходной точке. Через это философия, которая по своему содержанию имеет значение для всякого разума, становится по своему обозначению вполне национальной, выхваченной из глубины нации, которая говорит на этом языке, и, в свою очередь, совершенствующей ее язык до высшей определенности. Эту систематическую национальную терминологию можно установить, однако, только тогда, когда имеется законченной сама система разума во всем своем объеме и в совершенном развитии всех своих частей. Определением этой терминологии оканчивает свое дело философская сила суждения; это — дело, которое во всем своем объеме может легко стать слишком большим для целой человеческой жизни.

Это и есть основание, почему автор до сих пор не выполнил того, что он как бы обещает в настоящем примечании, но пользовался теми условными выражениями, которые он раньше находил, были ли они немецкими, или латинскими, или греческими. Для него вся терминология — только временная, пока она когда-либо не будет — ему ли суждено это дело или другому — установлена обязательной навсегда и для всех. По этой причине он вообще меньше заботился о своей терминологии и избегал окончательного ее установления; он также не сделал никакого употребления из некоторых метких замечаний других по этому вопросу (например, из предложенного различия догматизма и догматицизма), которые годны лишь для современного состояния науки. Он будет продолжать давать своему изложению необходимую каждый раз для его цели ясность и определенность через описания и многообразие оборотов.

§ 2. РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ НАУКОУЧЕНИЯ

Не следует умозаключать из определений. Это значит или что нельзя без дальнейшего основания из того, что в описании некоторой вещи, существующей независимо от нашего описания, мыслим без противоречия некоторый признак, заключать, что последний должен быть найден поэтому в действительной вещи — или же что нельзя относительно вещи, которая сама должна быть произведена нами по образованному о ней понятию, выражающему ее цель, заключать из мыслимости этой цели о выполнимости ее в действительности; но никогда это не может значить, что нельзя задаваться целью при умственных или физических работах и пытаться выяснить эту цель себе, прежде чем приступить к работе, а что следует предоставить игре своего воображения и своих пальцев то, что получится. Изобретатель аэростатов мог, конечно, вычислить величину последних и отношение заключенного в них воздуха к атмосферному и отсюда — скорость движения своих машин, еще не зная, найдет ли он род газа, который будет в достаточной мере легче атмосферного; и Архимед мог вычислить свою машину, которой он хотел сдвинуть со своего места земной шар, хотя он наверно знал, что не найдет никакого места вне силы притяжения, откуда он мог бы ее привести в действие. Такова же и наша только что описанная наука. Как таковая, она не есть что-либо существующее независимо от нас и без нашего содействия; скорее она есть нечто, что должно быть впервые произведено свободой нашего духа, действующего по определенному направлению, если таковая свобода существует, что мы также пока не можем знать. Определим сначала это направление: составим себе ясное понятие о том, чем должно быть наше дело. Можем мы его выполнить или нет, это будет видно из того, выполним ли мы его в действительности. Сейчас вопрос не в этом, но в том, что мы, собственно, должны делать; и этим определяется наше определение.

1. Описанная наука должна быть прежде всего наукой о науке вообще. Каждая возможная наука имеет основоположение, которое не может быть доказано в ней, но должно быть до нее заранее достоверным. Где же должно быть доказано это основоположение? Без сомнения, в той науке, которая должна обосновать все возможные науки. В этом

отношении наукоучение должно сделать два дела. Прежде всего оно должно обосновать возможность основоположений вообще; показать, как, в какой мере, при каких условиях, и, может быть, в какой степени что-либо может быть достоверным и вообще -- что это значит быть достоверным; далее оно должно в частности вскрыть основоположения всех возможных наук, которые не могут быть доказаны в них самих.

Каждая наука, если она должна быть не отдельным, оторванным положением, но целым, состоящим из многих отдельных частей, имеет систематическую форму. Эта форма, условие связи выведенных положений с основоположением и основание правомочия -- заключать из этой связи, так что первые положения необходимо должны быть такими же достоверными, как и последнее, — также не может быть доказана в отдельной науке, если только эта последняя должна иметь единство, а не заниматься чуждыми, не принадлежащими ей предметами, как не может быть в ней доказана правда ее основоположения, но уже предполагается для возможности ее формы. Общее наукоучение обязано, таким образом, обосновать систематическую форму для всех возможных наук.

2. Само наукоучение есть наука. Оно также поэтому должно иметь основоположение, которое в нем не может быть доказано, но должно быть предположено как условие его возможности как науки. Но это основоположение также не может быть доказано ни в какой другой высшей науке, ибо иначе эта высшая наука была бы сама науко-учением, а та наука, которой основоположение еще должно было бы быть доказано, не была бы им. Это основоположение наукоучения, а через наукоучение и всех наук и всего знания, поэтому безусловно неспособно к доказательству, т. е. не может быть сведено ни к какому высшему положению, из отношения к которому вытекала бы его достоверность. Тем не менее оно должно давать основание всякой достоверности; оно должно быть поэтому достоверным, и достоверным в себе самом ради самого себя и через самого себя. Все прочие положения достоверны потому, что можно показать, что они в каком-либо отношении равны ему. Это же положение должно быть достоверным просто потому, что оно равно самому себе. Все прочие положения будут иметь только опосредствованную и выведенную из него достоверность, оно же должно быть непосредственно достоверно. На нем основывается все знание, и без него было бы невозможно вообще никакое знание. Оно же не опирается ни на какое другое знание, но оно есть положение знания вообще. Это положение безусловно достоверно, это значит: оно достоверно, потому что оно достоверно*. Оно — основание всякой достоверности, т. е. все, что достоверно, достоверно потому, что оно достоверно, и ничто не достоверно, если оно недостоверно. Оно — основание всякого знания, иначе говоря, мы знаем, что оно высказывает, потому что мы вообще знаем; мы знаем его непосредственно, как только мы что-нибудь знаем. Оно сопровождает всякое знание, содержится во всяком знании, и всякое знание его предполагает.

Наукоучение должно, поскольку оно само есть наука, если оно только должно состоять не из одного единственного основоположения, но из многих положений (что это так будет, можно предвидеть уже потому, что оно должно установить основоположения для других наук), — оно должно, говорю я, иметь систематическую форму. Но оно не может ни заимствовать эту систематическую форму от какой-либо другой науки в отношении ее определения, ни ссылаться на доказательство ее в другой науке в отношении ее значимости, ибо оно само должно установить для всех прочих наук не только основоположения и через это — их внутреннее содержание, но также и форму и тем самым — возможность связи многих положений в них. Оно должно поэтому иметь эту форму в самом себе и обосновывать ее через самого себя.

Достаточно несколько расчленив предыдущее, чтобы понять, что, собственно, этим сказано. То, о чем мы нечто знаем, называется содержанием, а то, что мы об этом знаем, формой положения. (В положении: "Золото есть тело", — то, о чем мы нечто знаем, будет золото и тело, а то, что мы о них знаем, будет, что они в известном отношении равны и постольку одно может быть положено вместо другого. Это утвердительное положение, и отношение будет его формой.)

Никакое положение невозможно без формы или содержания. Должно быть нечто, о чем мы знаем, и нечто, что мы об этом знаем. Первое положение всякого наукоучения должно поэтому иметь и то, и другое содержание и форму. Далее, оно должно быть достоверно непосредственно и через самого себя, — это может значить лишь то, что содержание его определяет его форму, и, наоборот, его форма определяет его содержание. Эта форма может подходить только к этому содержанию, а это содержание — только к этой форме. Всякая другая форма при этом содержании уничтожает само положение и вместе с ним всякое знание, и всякое другое содержание при этой форме также уничтожает само положение, а с ним всякое знание. Форма безусловно первого основоположения наукоучения, таким образом, не только дана им -самим положением, но и установлена как безусловно значимая для его содержания. Если бы кроме этого одного безусловно первого было еще несколько основоположений наукоучения, которые должны были бы быть отчасти безусловными, отчасти же обусловленными первым и высшим* (ибо иначе не было бы единственного основоположения), то абсолютно первое в таком основоположении могло бы быть только или содержание, или форма, и обусловленное точно так же было бы или содержанием, или формой. Положим, содержание. является безусловным, тогда абсолютно первое основоположение, которое должно нечто обуславливать во втором, ибо иначе оно не было бы абсолютно первым основоположением, будет обуславливать форму второго, и согласно с этим эта форма будет определяться в самом наукоучении через его высшее основоположение; или, положим, наоборот, пусть безусловное будет форма, тогда первым основоположением необходимо определится содержание этой формы, а через него и форма, поскольку она должна быть формой некоторого содержания; следовательно и в этом случае форма определяется наукоучением, а именно его основоположением. Такого же основоположения, которое не определялось бы ни по форме, ни по содержанию абсолютно первым основоположением, быть не может, если вообще должно быть абсолютно первое основоположение, наукоучение и система человеческого знания. Поэтому не может быть более трех основоположений; одного абсолютного, определенного безусловно через самого себя, как по форме, так и по содержанию; одного определенного через самого себя по форме и одного определенного через самого себя по содержанию.

Если есть еще другие положения в наукоучении, то все они должны быть определены и по форме, и по содержанию через основоположение. Наукоучение должно поэтому определять форму всех своих положений, поскольку они рассматриваются в отдельности. Подобное определение отдельных положений однако возможно не иначе как так, что они сами себя взаимно определяют. Но каждое положение должно быть определено форма должна подходить только к его содержанию, а не к какому-либо другому, а это содержание — только к той форме, в которой оно есть, а не к какой-либо другой, так как иначе положение не будет подобно основоположению, поскольку оно достоверно (вспомним только что сказанное) и, следовательно, не будет достоверно. Если теперь все положения наукоучения должны быть различны — так как иначе они были бы не множеством положений, но одним и тем же положением, многократно повторенным, -то не может никакое положение получить свое совершенное определение иначе, как через одно единственное положение между другими; и тем самым совершенно определяется

весь ряд положений, и никакое из них не может стоять в другом месте ряда, кроме того, в котором оно стоит. Каждое положение наукоучения получает от определенного другого свое определенное место и само определяет его определенному третьему. Наукоучение же определяет самому себе и через себя самого форму своего целого.

Эта форма наукоучения имеет необходимую значимость для содержания последнего, ибо если абсолютно первое основоположение непосредственно достоверно, т. е. если его форма подходит только к его содержанию и его содержание - - только к его форме, им же определяются все возможные следующие положения непосредственно или опосредствованно по содержанию или по форме, если они, так сказать, уже в нем содержатся, то по отношению к ним должно быть верным то самое, что верно относительно первого, т. е., что их форма подходит только к их содержанию, а их содержание только к их форме. Это касается отдельных положений; но форма целого есть не что иное, как форма отдельных положений, мыслимая в одном, и то, что верно относительно каждого в отдельности, должно быть верным и для всех, мыслимых как единое целое.

Но наукоучение должно дать форму не только себе самому, но и всем другим возможным наукам и твердо установить значимость этой формы для всех. Это невысказано иначе, как при условии, что все, что должно быть положением какой-либо науки, уже содержится в каком-либо положении наукоучения, а следовательно, уже установлено в нем в подобающей ему форме. Это открывает нам легкий путь, чтобы возвратиться к содержанию абсолютно первого основоположения наукоучения, о котором мы теперь можем сказать несколько более, чем раньше.

Допустим, что знать достоверно значит не что иное, как иметь сознание неразрывности определенного содержания с определенной формой (это будет только словесным объяснением, тогда как реальное объяснение знания, безусловно, невозможно): если так, то уже теперь можно будет приблизительно усмотреть, как абсолютно первое основоположение всего знания определяет свою форму только своим содержанием, а свое содержание только своей формой, и тем самым всякому содержанию знания может быть определена его форма; ибо всякое возможное содержание покоится на его содержании. Поэтому, если наше предположение правильно и должно существовать абсолютно первое основоположение всякого знания, то содержание этого основоположения должно быть таким, которое содержало бы всякое возможное содержание, но само бы не содержалось ни в каком другом. То было бы содержание безусловное — абсолютное содержание.

Легко заметить, что при предположении возможности такого наукоучения вообще, в особенности же при предположении возможности его основоположения, всегда предполагается, что в человеческом знании действительно есть система. Если подобная система должна в нем быть, то можно, даже независимо от нашего описания наукоучения, доказать, что должно существовать подобное абсолютно первое основоположение.

Если подобной системы нет, то возможно мыслить только два случая. Или вообще нет ничего непосредственно достоверного; наше знание представляет множество рядов или один бесконечный ряд, в котором каждое положение обосновывается высшим, а это опять высшим и т. д.

Мы строим наши жилища на земле, она покоится на слоне, слон на черепахе, а она еще Бог весть на чем; и так далее до бесконечности. Если наше знание создано так, то, конечно, мы не можем изменить его; но тогда мы не имеем и никакого твердого знания; мы, может быть, дошли до некоторого достоверного члена в ряду и до него мы все нашли

твердым; но кто же может поручиться, что мы не убедимся в отсутствии под ним основания, если пойдем еще глубже и не будем должны от него отказаться. Наша достоверность оказывается мнимой, и мы не можем быть никогда уверены в ней на следующий день.

Или возьмем второй случай - - наше знание состоит из конечных, но многих рядов, каждый ряд заключается основоположением, которое обосновывается не каким-либо другим, но только само собой; но таких основоположений, которые все обосновываются сами собой и безусловно независимо от всех остальных, а следовательно, не имеют между собой никакой связи, но совершенно изолированы, существует много. В нас, положим, есть многие врожденные истины, которые все одинаково врожденные и в отношении связи которых мы не можем ожидать никакого дальнейшего прозрения, так как последнее лежит за пределами врожденных истин; или в вещах вне нас есть многообразное простое, которое сообщается нам впечатлением, которое на нас производят вещи, но в связь его мы не можем проникнуть, ибо над простейшим во впечатлениях нет ничего еще более простого. Если дело обстоит так, если само человеческое знание по своей природе так отрывочно, как действительное знание у многих людей; если первоначально в нашем духе лежит множество нитей, которые между собой не связаны ни в какой точке и не могут быть нигде связаны: то мы опять-таки не можем спорить против нашей природы; в этом случае наше знание будет в той области, на которую оно простирается, конечно, знанием прочным; но это не будет единое знание, а множество наук. Правда, наше жилище в этом случае стояло бы крепко, но оно не было бы единым, скрепленным в одно целое зданием, а собранием комнат, из которых нам было бы невозможно переходить из одной в другую. Это было бы жилище, в котором мы бы всегда блуждали и с которым мы никогда бы не освоились. В нем не было бы света, и мы со всеми нашими богатствами оставались бы бедны, ибо мы их никогда бы не переглядывали, никогда бы не рассматривали как целое и никогда бы не могли знать, чем мы, собственно, обладаем; мы никогда не могли бы применить часть их для улучшения остального, ибо никакая часть не имела бы отношения ко всему прочему. Более того, наше знание не было бы никогда законченным; мы должны были бы ежедневно ожидать, что в нас откроется новая врожденная истина или что опыт даст нам нечто новое простое. Мы должны были бы всегда быть готовыми выстроить для себя где-либо новый домик. Тогда не было бы нужно никакого общего наукоучения, чтобы обосновать другие науки. Каждая была бы обоснована сама по себе. Было бы столько наук, сколько отдельных непосредственно достоверных основоположений.

Но если в человеческом духе должны быть не только один или несколько обломков системы, как в первом случае, или несколько систем, как во втором, но одна законченная и единственная система, то должно быть такое высшее абсолютно первое основоположение. Если от него наше знание будет распространяться по многим рядам, из которых будут исходить тоже многие ряды, и т. д., то все же все должны прочно охватываться единственным кольцом, которое ни к чему не прикреплено, но держит своей собственной силой и себя, и всю систему. Мы имеем здесь держащийся собственной силой притяжения земной шар, центральная точка которого со всемогущей силой притягивает все, что бы мы только в самом деле ни построили на его поверхности, а не где-либо в воздухе, притом перпендикулярно, и не под кривым углом, и не позволяет вырвать пылинку из своей сферы.

Существует ли подобная система и то, что является ее условием, — подобное основоположение, об этом мы не можем ничего решить до исследования. Основоположение не допускает доказательства не только как простое положение, но и как основоположение всего знания. Остается сделать следующую попытку. Если мы найдем положение, которое имеет внутренние условия основоположения Человеческого знания,

то посмотрим, не имеет ли оно и внешних, можно ли свести к нему все то, что мы знаем или думаем, что знаем. Если нам это удастся, то мы доказали через действительное установление науки, что она возможна и что существует система человеческого знания, которой она есть изображение. Если это нам не удастся, то или вообще не существует подобной системы, или же мы ее только не открыли и должны предоставить открытие ее нашим более счастливым продолжателям. Утверждать же, что вообще таковой не существует, потому что мы ее не открыли, есть притязание, опровергать которое — ниже достоинства серьезного исследования.

Часть 2.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ОБЪЯСНЕНИЕ ПОНЯТИЯ НАУКОУЧЕНИЯ

§3

Я называю научным объяснением какого-нибудь понятия (а ясно, что здесь может быть речь не о каком другом, как об этом высшем из всех объяснений), когда указывают его место в системе человеческих наук вообще, т. е. показывают, какое понятие определяет ему его место и какому другому оно определяется через него. Но понятие наукоучения так же мало может иметь места в системе всех наук, как понятие знания вообще. Скорее оно само есть место для всех научных понятий и указывает им место в себе самом и через посредство самого себя. Ясно, что здесь идет речь о гипотетическом объяснении, т. е. вопрос ставится так: предполагая, что уже существуют науки и что есть в них истина (чего вовсе нельзя знать до общего наукоучения), как относится имеющее быть установленным наукоучением к этим наукам?

Также и на этот вопрос ответ заключается в простом понятии наукоучения. Науки относятся к нему, как обоснованное к своей основе; оно не указывает ему его место, но оно указывает всем им их место в себе самом* и¹ через самого себя. Соответственно с этим здесь надлежит сделать только дальнейшее развитие этого ответа.

1) Наукоучение должно бы было быть наукой всех наук. Отсюда прежде всего возникает вопрос: как оно может поручиться, что обосновывается не только науки известные и до сих пор изобретенные, но и все могущие быть изобретенными и возможные и что им исчерпана вся область человеческого знания?**.

2) Оно должно было бы в этом отношении давать всем наукам их основоположения. Соответственно с этим все положения, которые суть основоположения в какой-либо отдельной науке, суть вместе и внутренние положения на-укоучения; одно и то же положение следует рассматривать с двух точек зрения: как положение, содержащееся в наукоучении, и как основоположение, стоящее во главе частной науки. Наукоучение выводит дальнейшие заключения из положения как содержащегося в нем; и частная наука умозаключает из этого же положения как своего основоположения. Таким образом, или в обеих науках мы имеем одно и то же: все частные науки содержатся в наукоучении не только по своим основоположениям, но и по своим выведенным положениям, и нет никаких частных наук, есть только части одного и того же наукоучения; или же в обеих науках заключают различным образом, что тоже невозможно, так как наукоучение должно давать всем наукам их форму; или должно прибавиться к положению наукоучения еще нечто, что, впрямь, не может быть заимствовано откуда бы то ни было, кроме

наукоучения, если это положение должно стать основоположением частной науки. Возникает вопрос, каково же это привходящее, или же — так как это привходящее составляет сущность различия — какова определенная граница между наукоучением и каждой частной наукой?

3) Наукоучение должно далее определить в этом же отношении всем наукам их форму. Как это может произойти, уже указано выше. Но на нашем пути выступает другая наука под именем логики, с такими же притязаниями. Следует разрешить спор между обеими, надлежит исследовать, как наукоучение относится к логике.

4) Наукоучение само есть наука, и выше уже определено, что оно в этом отношении должно дать. Но поскольку оно — просто наука, знание в формальном значении слова, оно — наука о чем-нибудь; оно имеет некоторый предмет, а из вышесказанного ясно, что этот предмет — не иной, как система человеческого знания вообще*.. Возникает вопрос, как относится наука, как наука, к своему предмету как таковому.

§ 4. В КАКОЙ МЕРЕ НАУКОУЧЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ УВЕРЕНО, ЧТО ОНО ИСЧЕРПАЛО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ ВООБЩЕ?

Бывшее доселе человеческое знание, истинное или воображаемое, не есть человеческое знание вообще. Положим, что некоторый философ действительно охватил первое и мог бы дать доказательство путем совершенной индукции, что оно содержится в его системе, он этим еще далеко не выполнил бы задачу философии вообще; ибо как мог бы он посредством своей индукции из предыдущего опыта доказать, что и в будущем не будет сделано открытие, которое не подойдет под его систему? Не более основательным выходом было бы утверждение, что он хотел исчерпать только возможное для настоящей сферы человеческого существования знание; ибо если его философия имеет значение только для этой сферы, то он не знает никакой другой возможной сферы, не знает, следовательно, и ее границ, которые должны быть исчерпаны его философией; он произвольно провел границу, значимость которой едва ли может быть доказана чем-нибудь другим, как только предыдущим опытом, которому всегда может противоречить, даже в указанной сфере, будущий опыт. Человеческое знание вообще должно быть исчерпано, это значит, что должно быть безусловно и необходимо определено, что человек может знать не только на теперешней ступени своего существования, но и на всех возможных и мыслимых ступенях*.

Это возможно только при следующих условиях: прежде всего следует показать, что установленное основоположение исчерпано, а затем что невозможно другое основоположение, кроме установленного.

· Ответ на одно возможное возражение, которое, впрочем, мог бы сделать только популярный философ. (Прибавление к 1-му изд.) Собственно задачи человеческого духа бесконечны как по их числу, так и по объему; их разрешение было бы возможно только через совершенное приближение к бесконечному, что само по себе невозможно, но они таковы только потому, что они даются как бесконечные. Существует бесконечное множество радиусов бесконечного круга, центр которого дан; и как только дан центр, даны и весь бесконечный круг, и бесконечно многие его радиусы. Одна конечная точка последних, правда, лежит в бесконечности; но другая лежит в центре, и эта последняя — обща всем. Центр дан; направление линий также дано, ибо они должны быть прямыми линиями; следовательно, все радиусы даны (единичные радиусы из бесконечного числа таковых определяются через постепенное развитие нашей первоначальной ограниченности, как долженствующие быть проведенными; но они этим не даны; даны

они одновременно с центром). Человеческое знание бесконечно ли степеням, но по качеству своему оно совершенно определяется своими законами и может быть вполне исчерпано. Задачи ставятся и должны быть исчерпаны, но они не разрешены и не могут быть разрешены. (Последнее предложение включено из авторской заметки на полях.)

Основоположение исчерпано, если на нем построена полная система, т. е., если основоположение необходимо приводит ко всем установленным положениям а все установленные положения необходимо снова приводят к нему. Если в целой системе не встречается положения, которое может быть истинно, если основоположение ложно, или ложно, если основоположение истинно, это будет отрицательное доказательство того, что никакое положение не является излишне взятым в систему; ибо то, которое не принадлежало бы к системе, могло бы быть истинным, если основоположение ложно, и ложным, если бы основоположение и было истинным. Если дано основоположение, то должны быть даны все положения; в нем и через его посредство дано каждое отдельное положение. Из того, что мы говорили выше о связи отдельных положений в науко-учении, ясно, что эта наука производит указанное отрицательное доказательство в себе самой и через себя. Им доказывается, что наука вообще систематична, что все ее части связаны в одном-единственном основоположении. Наука есть система, иначе говоря, она закончена, когда далее не может быть выведено ни одно положение, и этим дается положительное доказательство, что в системе нет ни одного недостающего положения. Вопрос состоит только в следующем: когда и при каких условиях может быть выведено какое-либо дальнейшее положение; ибо ясно, что только относительный и отрицательный признак — я не вижу, что может следовать дальше, — ничего не доказывает. После меня может прийти другой, который увидит нечто там, где я ничего не видел. Мы нуждаемся в положительном признаке для доказательства, что дальше безусловно и, необходимо ничего не может быть выведено; и таким признаком может быть только то, что само основоположение, из которого мы исходим, есть вместе с тем и последний результат. Тогда было бы ясно, что мы не могли бы идти дальше, не проделывая сызнова тот путь, который мы уже раз прошли. При последующем установлении науки будет видно, что она действительно проделывает этот круг и покидает исследователя у той самой точки, из которой она вместе с ним вышла; что она таким образом также приводит второе положительное доказательство в себе и через себя саму*.

Но если установленное основоположение и исчерпано и на нем построена целостная система, то отсюда еще не следует, что ее исчерпанием исчерпано человеческое знание вообще; разве только мы сначала предположим то, что должно быть доказано, именно, что это основоположение есть основоположение человеческого знания вообще. К такой целостной системе, правда, ничего не может быть ни прибавлено, ни отнято; но что мешает тому, что в будущем, хотя бы даже до сих пор и не было ничего подобного, через умножение опыта достигнут человеческого сознания такие положения, которые не опираются на это основоположение и которые, следовательно, предполагают одно или несколько других основоположений? Короче говоря, почему рядом с этой законченной системой не может находиться в человеческом духе еще одна или несколько систем? Они, правда, не имели бы ни с первой системой, ни между собой ни малейшей связи и хотя бы самой незначительной общей точки, но они и не должны иметь этого, если они образуют не одну, а многие системы. Таким образом, если должна быть удовлетворительно доказана невозможность таких новых открытий, то следует доказать, что в человеческом знании может быть только одна единственная система. Так как это положение, что все человеческое знание представляет одно-единственное связанное в себе самом знание, само должно быть частью человеческого знания, то оно может обосновываться единственно на установленном как основоположение человеческого знания положении и никак иначе не может быть доказано, как через него. Этим был бы -- пока, по крайней

мере, — добыт тот результат, что другое когда-либо достигшее человеческого сознания основоположение было бы не только другим и отличным от установленного основоположения, но и противоречащим последнему по форме. Ибо при вышеуказанной предпосылке в установленном основоположении должно бы содержаться положение: "В человеческом знании есть одна единственная система". Каждое положение, следовательно, которое бы не должно было принадлежать к этой единственной системе, было бы не только отличным от этой системы, но даже противоречило бы ей уже своим существованием, поскольку эта система должна была бы быть единственной возможной. Оно противоречило бы выведенному положению единственности системы; и, так как все положения этой системы неразрывно связаны между собой, так что, если какое-либо одно из них истинно, необходимо все должны быть истинны, и если какое-либо ложно, необходимо все ложны, — то оно противоречило бы каждому положению системы и в особенности — ее основоположению. Предположим, что и это чуждое положение было бы систематически обосновано вышеописанным способом в сознании, тогда система, к которой оно принадлежит, должна, в силу одного формального противоречия своего существования, противоречить материально первой системе и опираться на основоположение, прямо противоположное первому основоположению; так что если бы первое, например, гласило: я семь я, то второе должно бы утверждать: я семь не я.

Из этого противоречия еще не должна и не может прямо быть выведена невозможность подобного второго основоположения. Если в первом основоположении заключено положение: "Система человеческого знания должна быть единой", - то в нем содержится также и то положение, что этой единой системе не должно ничего противоречить; но оба положения - - только следствия из него самого, и как только принимается абсолютная значимость всего того, что из него следует, тем самым уже принимается, что оно есть абсолютно первое и единственное основоположение и безусловно повелевает в человеческом знании. Следовательно, здесь есть круг, из которого никогда не может выйти человеческий дух; и будет совершенно правильным определенно признать этот круг, чтобы не впасть в затруднение когда-нибудь, вследствие неожиданного его открытия. Он заключается в следующем: если положение X есть первое, высшее и абсолютное основоположение человеческого знания, то в человеческом знании есть одна единая система; ибо последнее вытекает из положения X: так как в человеческом знании должна быть одна единая система, то положение X, которое действительно (согласно установленной науке) обосновывает систему, есть основоположение человеческого знания вообще, и основанная на нем система есть эта единая система человеческого знания.

Нет причины выходить из этого круга. Требовать, чтобы он был уничтожен, значит требовать, чтобы человеческое знание было бы совершенно безосновно, чтобы не было ничего безусловно достоверного, но чтобы все человеческое знание было только обусловлено и никакое положение не имело бы значение само по себе, но каждое значило бы только под условием, что значит то положение, из которого следует; одним словом, этим мы утверждаем, что вообще нет истины непосредственной, а есть только истина опосредствованная; ее нет без чего-либо, чем она опосредствована. Кто имеет охоту исследовать, может всегда исследовать, что бы он знал, если было бы "я" не было бы Я, т. е. если бы он не существовал и не мог бы отличить никакое не-Я от своего Я.

§ 5. КАКОВА ГРАНИЦА, КОТОРАЯ ОТЛИЧАЕТ ОБЩЕЕ НАУКОУЧЕНИЕ ОТ ЧАСТНОЙ, ИМ ОБОСНОВАННОЙ НАУКИ?

Мы нашли выше (§3), что одно и то же положение не может быть в одинаковом отношении и положением общего наукоучения, и основоположением какой-либо частной науки, но что должно превзойти еще нечто, если оно должно быть последним. То, что

должно превзойти, не может быть взято ниоткуда, как только из общего наукоучения, ибо в нем содержится все возможное человеческое знание; но там оно не должно заключаться в положении, которое теперь, через его прибавление, возвышается до степени основоположения частной науки; ибо иначе это положение было бы уже там основоположением, и мы не имели бы границы между частными науками и частями общего наукоучения. Следовательно, должно быть единичное положение наукоучения, которое соединяется с положением, долженствующим стать основоположением. Так как мы здесь должны ответить на возражение, не непосредственно исходящее из понятия наукоучения, но вытекающее из предположения, что, кроме наукоучения, существуют еще отдельные от него науки, то мы можем на него ответить не иначе как также предположением; и мы сделали пока достаточно, показав хотя бы некоторую возможность требуемого ограничения. Что оно дает истинную границу, хотя бы это и было так на самом деле, этого мы здесь не можем, да и не должны доказывать.

Поэтому допустим, что наукоучение содержит те определенные действия человеческого духа, которые он вынужденно и необходимо производит, все равно, условно или безусловно; пусть оно при этом устанавливает, как высшее основание объяснения этих необходимых действий вообще, способность человеческого духа определять себя безусловно, без принуждения и понуждения к действию вообще; таким образом, было бы дано через наукоучение некоторое необходимое и некоторое не необходимое свободное действие. Действия человеческого духа, поскольку он действует необходимо, были бы определены наукоучением, но они не были бы им определены, поскольку он действует свободно. Положим далее, что и свободные действия должны быть определены из какого-либо основания; в таком случае это не могло бы произойти в наукоучении: так как речь идет об определении, это должно было бы произойти в науках, и именно в частных науках. Предмет же этих свободных действий не может быть чем-либо другим, кроме данного через наукоучение необходимого, так как нет ничего, чего бы оно не дало, и оно вообще ничего не дает, кроме необходимого. Поэтому в основоположении частной науки должно быть определено действие, которое оставлено свободным наукоучением: наукоучение дало бы основоположению необходимое и свободу вообще, частная же наука дала бы этой свободе ее определение, и, таким образом, была бы найдена точная линия границы; и, коль скоро некоторое в себе свободное действие получало бы определенное направление, мы бы тем самым переходили из области общего наукоучения в сферу частной науки. Я поясню это ниже двумя примерами.

Наукоучение дает, как необходимое, пространство и точку как абсолютную границу; но оно предоставляет воображению полную свободу полагать точку где ему угодно. Как только эта свобода — определяется, например, чтобы двигать точку для ограничения неограниченного пространства и этим проводить линию*, -- мы уже не или как одушевленную животной жизнью материю. Но как только сила суждения получит задачу рассматривать определенный предмет по определенному закону*, чтобы увидеть, совпадает ли он с ним и в какой мере, она уже не свободна, но подчинена правилу; а поэтому мы находимся уже не в наукоучении, но в области другой науки, которая называется естественной наукой. Задача вообще связывать каждый данный в опыте предмет с каждым данным в нашем духе законом природы есть основоположение естественной науки; она вся слагается из экспериментов (но, однако, не из пассивного отношения к беспорядочным воздействиям природы на нас), которыми мы задаемся произвольно и которым природа может соответствовать или не соответствовать, и этим естественная история достаточно отделена от наукоучения вообще.

Таким образом, уже здесь видно то, что мы упоминаем лишь вскользь, -- почему только наукоучение будет обладать абсолютной целостностью, все же прочие науки будут

бесконечны. Наукоучение содержит только необходимое; если оно необходимо во всяком рассмотрении, то оно необходимо и в отношении количества, т. е. необходимо ограничено. Все другие науки исходят из свободы как нашего духа, так и безусловно независимой от нас природы. Если это должна быть действительная свобода, если она не должна стоять безусловно ни под каким законом, то ей нельзя приписать и никакой определенной области действия, что было бы возможно только через посредство некоторого закона. Таким образом, от исчерпывающего наукоучения нечего ждать какой-либо опасности для бесконечного совершенствования человеческого духа; оно им не только не уничтожается, но скорее наоборот, оно им удостоверяется и ставится вне всякого сомнения, и ему дается задача, которую оно вовек не может окончить.

§ 6. КАК ОТНОСИТСЯ ОБЩЕЕ НАУКОУЧЕНИЕ В ОСОБЕННОСТИ К ЛОГИКЕ?

Наукоучение должно устанавливать форму для всех возможных наук. Это же делает, по обычному мнению, в котором тоже должно быть нечто истинное, и логика. Как относятся между собой обе эти науки, как относятся они в особенности к тому делу, на которое обе притязают?

Как только мы вспомним, что логика должна давать всем возможным наукам только одну форму, наукоучение же не одну форму, но и содержание, нам будет открыт уже легкий путь, чтобы углубиться в это крайне важное исследование. В наукоучении форма никогда не отделена от содержания, а также и содержание — от формы; в каждом его положении то и другое связано теснейшим образом. Если в положениях логики должна заключаться только форма, но не содержание возможных наук, то положения эти не суть вместе с тем положения наукоучения, но совершенно отличаются от них, а следовательно, и вся наука не есть ни само наукоучение, ни даже часть его; как бы странным ни показалось это кому-либо при современном укладе философии, она вообще не философская, но отдельная частная наука, отчего, конечно, достоинство ее не терпит никакого ущерба.

Если она такова, то должно быть обнаружено определение свободы, посредством которого научное мышление переходит из области наукоучения в логику и в котором, следовательно, лежит граница между обеими науками. Такое определение свободы легко показать. Именно в наукоучении содержание и форма необходимо объединены. Логика должна установить только форму, отдельную от содержания; это отделение, так как оно не первоначально, может быть произведено только свободой. Свободное отделение чистой формы от содержания будет, таким образом, тем, что дает бытие логике. Такое отделение называют отвлечением; и, таким образом, сущность логики состоит в отвлечении от всякого содержания наукоучения.

Но, таким образом, положения логики были бы только формой, что невозможно, ибо в понятии положения вообще содержится, что оно должно иметь и то, и другое — и содержание, и форму (§ 1). Поэтому то, что в наукоучении является только формой, должно быть в логике содержанием; и это содержание должно снова получить общую форму наукоучения, которая здесь, однако, определено мыслится как форма логического положения. Это второе действие свободы, через которое форма делается своим собственным содержанием* и возвращается к себе самой, называется рефлексией. Никакое отвлечение невозможно без рефлексии и никакая рефлексия -- без отвлечения. Оба действия, мыслимые отдельными друг от друга и рассматриваемые каждое для себя, суть действия свободы; но если оба именно в этом отделении относятся друг к другу, то, при условии одного, другое необходимо; для синтетического же мышления оба суть одно и то же действие, рассматриваемое с двух сторон.

Отсюда вытекает определенное отношение логики к наукоучению. Первая не обосновывает последнее, но последнее обосновывает первую: наукоучение безусловно не может быть доказано из логики, и ему нельзя предпосылать как значимого никакого логического положения, даже закона противоречия; наоборот, всякое логическое положение и вся логика должны быть доказаны из наукоучения, — должно быть показано, что установленные в последнем формы суть действительно формы достоверного содержания в наукоучении. Таким образом, логика получает свою значимость от наукоучения, но не наукоучение от логики.

Далее, не наукоучение обуславливается — определяется логикой, но логика — наукоучением. Наукоучение не получает даже от логики свою форму, но имеет эту форму в себе самом и устанавливает ее только для возможного отвлечения через свободу. Наоборот, наукоучение обуславливает значимость и применимость логических положений. Формы, которые устанавливает последнее, не могут быть применены в обыкновенном процессе мышления и в частных науках к какому-либо другому содержанию, кроме того, которое они уже объемлют в себе в науко-учении, --не необходимо ко всему содержанию, которое они там охватывают, ибо таким образом не возникла бы частная наука, но повторились бы лишь части наукоучения, — но необходимо к части последнего, к содержанию, заключающемуся в том содержании. Вне этого условия построенная, таким образом, частная наука будет воздушным замком, как бы логически правильно ни выводились в ней заключения*.

Наконец, наукоучение необходимо — не как ясно продуманная, систематически установленная наука, но как природная склонность; логика же — искусственный продукт человеческого духа в его свободе. Без первого вообще не было бы возможно никакое знание и никакая наука; без последней все науки были бы только позднее выполнены. Первое - - исключительное условие всякой науки; последняя --в высокой мере благодетельное изобретение, чтобы обеспечить и облегчить научный прогресс.

Я изложу выведенное сейчас систематически на примерах.

$A \text{ — } A$ — это, без сомнения, логически правильное положение, и, поскольку оно таково, его значение заключается в следующем: если A положено, то A положено. Тут возникают два вопроса: положено ли A ? и в какой мере, и почему A положено, если оно положено, — или: как вообще связываются вместе это если и это то.

Положим: A в вышеуказанном положении значит $Я$ и имеет свое определенное содержание; тогда положение будет гласить: $Я$ есть $Я$; или же - - если $Я$ положено, то $Я$ положено. Но так как субъект положения есть абсолютный субъект, субъект безусловно, то в этом единственном случае вместе с формой положения полагается его внутреннее содержание. $Я$ положено потому, что $Я$ себя положило. $Я$ есть потому, что $Я$ есть. Логика, следовательно, говорит: если A есть, есть A ; наукоучение же утверждает: так как A (это определенное $A = Я$) есть, то есть A . И через это будет разрешен и вопрос: положено ли A ? (это определенное A); ответ будет таков: оно положено, ибо оно положено. Оно положено безусловно и необходимо.

Положим, что A в вышеприведенном положении означает не $Я$, но что-либо другое; тогда из вышесказанного следует усмотреть условие, при котором можно сказать: A положено, — и почему мы уполномочены заключать: если A положено, то оно положено. Именно положение $A = A$ первоначально значимо только для $Я$; оно выведено из положения наукоучения — $Я$ есть $Я$; следовательно, всякое содержание, к которому оно применимо, должно находиться в $Я$ и в нем содержаться. Никакое A , стало быть, не может быть чем-

либо иным, как только положенным в Я, и, таким образом, наше положение будет гласить: что положено в Я, то положено; если А положено в Я, то оно положено (поскольку именно оно положено как возможное действительное или необходимое), и, таким образом, оно бесспорно истинно, если Я должно быть Я. Если далее Я положено, потому что оно положено, то все, что положено в Я, положено, потому что оно положено; и если только А есть нечто положенное в Я, то оно положено, если оно положено; таким образом, и второй вопрос также получает ответ.

§ 7. КАК ОТНОСИТСЯ НАУКОУЧЕНИЕ КАК НАУКА К СВОЕМУ ПРЕДМЕТУ?*

Каждое положение в наукоучении имеет форму и содержание: мы знаем нечто, и есть нечто, о чем мы это знаем. Но и само наукоучение есть наука о некотором предмете, а не сам этот предмет. Следовательно, оно будет вообще со всеми своими положениями формой некоторого, уже до него данного, содержания. Как относится оно к этому содержанию и что следует из этого отношения?

Объект наукоучения есть, по всему предыдущему, система человеческого знания. Она дана независимо от науки о ней, но устанавливается последней в систематической форме. Что же представляет из себя эта новая форма, чем отличается она от той формы, которая должна быть дана до науки, и как вообще отличается наука от своего объекта?

То, что присутствует в человеческом духе независимо от науки, может быть также названо его действиями. Они суть то "нечто", что есть в наличности; они совершаются некоторым определенным способом; через этот определенный способ одно из них отличается от другого; и это отличие есть то, "как" они совершаются. Таким образом, в человеческом духе изначально, до нашего знания, есть содержание и форма, и то и другое неразрывно связаны; каждое действие совершается определенным способом по некоторому закону, и этот закон определяет действие. Если все эти действия связаны между собой и стоят под общими, особенными и единичными законами, то для возможного наблюдателя есть в наличности некоторая система.

Но совершенно не необходимо, чтобы эти действия в самом деле совершались в нашем духе одно за другим по порядку времени в той систематической форме, в которой они будут выведены как вытекающие друг от друга; так что сначала совершится то, которое содержит в себе все другие и дает высший наиболее общий закон, а затем те, которые менее в себе объемлют, и т. д. Далее, из сказанного совершенно не следует, чтобы все они совершались в чистом, не смешанном виде, так чтобы многие, которые могут быть различаемы возможным наблюдателем, не являлись бы в действительности как одно единое действие; например, если высшим действием интеллигенции* будет полагать себя саму**, то совершенно не необходимо, чтобы это действие было по времени первым, которое достигало бы ясного сознания; и также мало необходимо, чтобы оно когда-либо достигло сознания в чистоте, чтобы интеллигенция*** была способна когда-либо мыслить "Я есть" без того, чтобы в то же время не мыслить ничего другого, что не есть она сама****.

Тут мы имеем уже весь материал для возможного наукоучения, но не саму эту науку. Чтобы создать последнюю, необходимо еще одно действие человеческого духа, не содержащееся между всеми этими действиями; оно заключается в том, чтобы возвести к сознанию свой образ действия вообще. Так как оно не должно содержаться между теми действиями, которые все необходимы, необходимые же все есть налицо, то оно должно быть действием свободы. Наукоучение, таким образом, поскольку оно должно быть систематической наукой, возникает совершенно так же, как и все возможные науки,

поскольку они должны быть систематическими, — через некоторое определение свободы; последняя здесь определяется в особенности к тому, чтобы вообще возвести к сознанию способ действия интеллигенции****; и наукоучение отличается от других наук только тем, что объект последних есть само свободное действие, объект же первого — действия необходимые.

Через это свободное действие нечто, что уже само по себе есть форма, необходимое действие интеллигенции* воспринимается как содержание в некоторую новую форму, в форму знания или сознания; и таким образом, это действие будет действием рефлексии. Указанные необходимые действия выделяются из ряда, в котором они сами в себе могут встречаться, и утверждаются раздельными и чистыми от всякой примеси; таким образом это действие будет также и действием отвлечения; рефлексия невозможна без предварительного отвлечения.

Форма сознания, в которую должен быть воспринят вообще необходимый образ действия интеллигенции**, несомненно сама принадлежит к ее необходимым способам действия; способ действия интеллигенции, несомненно, воспринимается в ней совершенно так же, как и все, что в ней воспринимается; поэтому сам по себе не представляет трудности ответ на вопрос: откуда берется для целей возможного наукоучения эта форма? Но если мы оставим в стороне вопрос о форме, то вся трудность сосредоточится в вопросе о содержании. Если необходимый способ действия интеллигенции*** сам по себе должен быть воспринят в форму сознания, то она уже должна быть известной как таковая, следовательно, уже воспринятой в эту форму; тут мы были бы заключены в круг.

Согласно сказанному выше, этот способ действия вообще должен быть отделен рефлектирующим отвлечением от всего, что не есть он. Это отвлечение происходит через свободу, и философствующая сила суждения**** вовсе не руководится в нем слепым принуждением. Вся трудность, следовательно, заключается в вопросе: по каким правилам поступает свобода в этом отделении? Как знает философ*, ^то он должен принять как необходимый способ действия интеллигенции** и что он должен оставить как случайное?***

Этого он безусловно не может знать, пока не возведено к сознанию то, что он еще только должен возвести к нему, что было бы противоречиво. Следовательно для этого действия нет никакого правила, и не может быть никакого. Человеческий дух делает различные попытки; через слепое хождение вокруг да около он приходит к рассвету и уже затем переходит отсюда к светлому дню. Его ведут первоначально смутные чувства**** (происхождение и действительность которых должно изобразить наукоучение); и мы до сих пор не имели бы никакого ясного понятия и были бы все глыбой земли, оторванной от почвы, если бы не начали смутно чувствовать то, что мы только после ясно узнали. — Это же подтверждает и история философии; и мы теперь указали настоящую причину, почему то, что лежит совершенно открыто в каждом человеческом духе и что каждый может схватить руками, если оно ему ясно представлено, достигло первоначально сознания немногих только после многообразных блужданий вокруг да около. Все философы стремились к указанной цели, все хотели отделить рефлексией необходимый способ действия интеллигенции* от ее случайных условий; и все действительно отделяли ее, только более или менее чисто, более или менее полно. В целом же философская сила суждения двигалась все дальше вперед и все ближе подходила к своей цели.

Так как эта рефлексия — не поскольку она вообще производится или не производится, так как в этом отношении она свободна, но поскольку она производится сообразно законам, поскольку (при условии, что она вообще имеет место) определяется ее род, -- также

принадлежит к необходимым способам действия интеллигенции**, то ее законы должны встретиться в системе этих способов действия вообще***, и несомненно возможно впоследствии, по завершении науки, увидеть, удовлетворили ли мы этим законам или нет: следовательно, мы могли бы верить, что по крайней мере впоследствии будет возможно очевидное доказательство правильности нашей научной системы как таковой.

Но законы рефлексии, которые мы в процессе научного изучения нашли единственно возможными для установления через них наукоучения****, - - если они и согласуются с теми, которые мы гипотетически предположили как правила нашего действования, - суть сами результат предшествующего применения последних; здесь поэтому открывается новый круг: мы предположили некоторые законы рефлексии и находим теперь в процессе научного изучения те же самые законы как единственно правильные*****, следовательно, мы были совершенно правы в нашем предположении, и наша наука по форме правильна. Если бы мы предположили другие законы, то, без сомнения, нашли бы в науке и другие как единственно правильные*; спрашивается только, согласуются ли они с предположенными или нет; если бы они не согласовались с ними, то было бы совершенно очевидно, что или предположенные, или найденные, или, вернее всего, и те и другие были бы ложны. Мы, следовательно, не можем в таком доказательстве после того, как оно дано, заключать об указанной ложности логического круга, но мы заключаем из согласия предположенного и найденного** о правильности системы. Но это — только отрицательное доказательство, которое обосновывает одну вероятность. Если предположенные и найденные рефлексии не согласуются между собою, то система наверное ложна. Если они совпадут, то она может быть правильной. Но она не должна быть необходимо правильной; ибо, хотя, если в человеческом знании есть только одна система, при правильном умозаключении можно найти подобное согласование только одним единственным способом, все же останется возможным случай, что согласование произведено случайно двумя или более обуславливающими согласование неправильными умозаключениями. Дело обстоит совершенно так, как если бы я делал проверку деления умножением. Если я получу как произведение не желаемую величину, но какую-нибудь другую, то, наверно, я где-нибудь сосчитал неверно; если я получу ее, то вероятно, что я правильно сосчитал, но только вероятно; ибо я мог бы и в делении, и в умножении сделать одну и ту же ошибку, например, в обоих случаях сказать $5 \times 9 = 36$; и тогда согласование ничего бы не доказывало. Так же обстоит дело и в наукоучении: оно не есть только правило, но вместе с этим исчисление. Кто сомневается в правильности нашего произведения, не сомневается тем самым в том вечно значимом законе, что надо полагать один множитель столько раз, сколько в другом есть единиц; быть может, этот закон ему столь же близок к сердцу, как и нам: он сомневается только в том, действительно ли мы его соблюдали.

Поэтому даже при высшем единстве системы, которое есть отрицательное доказательство ее правильности, всегда остается еще нечто, что никогда не может быть строго доказано, но может только допущено как вероятное, а именно что само это единство не возникло случайно — через неправильное умозаключение. Можно многими способами повысить эту вероятность; можно несколько раз продумать ряды положений, когда они уже не присутствуют в нашей памяти; можно проделать обратный путь и идти от результата назад к основоположению; можно рефлексировать снова о самой своей рефлексии и т. д. Вероятность будет все больше, но то, что было простой вероятностью, никогда не станет достоверностью. Если мы при этом сознаем, что мы честно исследовали* и не стреми-

· Философ нуждается не только в чутке к истине, но и в любви к ней. Я уже не говорю о том, что он не должен стараться утвердить заранее предположенные результаты софизмами, которые он сознает, но при этом надеется, что они не будут открыты никем из

его современников; тогда он сам знает, что не любит истину. Но относительно этого каждый сам себе судья, и никто не имеет права обвинять в этой нечистоте другого, если нет совершенно ясных тому доказательств. Но он должен быть настороже и против произвольных софизмов, которым никакой исследователь не подвержен более, нежели исследователь человеческого духа: он должен не только смутно чувствовать, но довести до ясного сознания, как свое высшее правило, то, что он ищет только истину, какова бы она ни была; он должен даже приветствовать ту истину, что вообще нет истины, если только она окажется истиной. Никакое положение, каким бы сухим и каверзным оно ему ни казалось, не должно быть безразличным для него — все должно быть для него одинаково священно, ибо все они принадлежат к системе истины и каждое поддерживает всех. Он никогда не должен спрашивать, каковы будут последствия, но должен прямо идти своей дорогой, каковы бы они ни были. Он не должен бояться никаких трудов и всегда сохранять способность отказаться от труднейших и глубокомысленнейших работ, как только их неосновательность будет ему доказана или будет открыта им самим. Если он и тогда ошибется, то это будет лишь та участь, которая доселе постигала всех мыслителей.

* Необходимым. (Прибавление ко 2-му изд.)

* Скромность этого замечания противопоставили последующей большой нескромности автора. Конечно, он не мог предвидеть, с какими возражениями и с каким изложением этих возражений он будет иметь дело, и знал большинство философских писателей далеко не так хорошо, как он теперь их знает; иначе он бы не упустил высказать заранее свой образ мысли также относительно тех случаев, которые действительно наступили. Между тем предыдущее замечание не заключает в себе ничего, что стояло бы в противоречии с его последующим поведением. Выше он говорит о возражениях против его выводов, но так далеко до сих пор еще не дошли его противники; они еще спорят об основоположении, т. е. обо всем том облике, который автор дает философии; но об этом, по глубокому его убеждению тогдашнему и теперешнему, не может быть никакого спора, если только сознают, о чем идет речь; на такое возражение он действительно не рассчитывал. Он говорит о возражениях, которые пытаются придать себе хотя бы видимость основательности, хотя бы видимость того, что оно действительно что-либо показывают доказывают, но ничего подобного нет в возражениях тех, кого якобы поразила его мнимая нескромность. Вот объяснение, необходимое, но не можем дать строгого, но только обосновывающее вероятность доказательства. Оно будет истинным только, если и поскольку оно удачно. Мы не законодатели человеческого духа, но его историографы — не газетные о нем писатели, а прагматические историки.

Сюда присоединяется еще и то обстоятельство, что система может быть действительно верна в целом, хотя бы отдельные ее части и не имели полной очевидности. Мы можем здесь и там делать неправильные выводы, могут быть пропущены промежуточные положения, доказуемые положения могут быть выставлены без доказательства или доказаны неправильно — и важнейшие результаты все же будут правильны. Это кажется невозможным; кажется, что малейшее отклонение от прямой линии необходимо должно привести к бесконечно возрастающему отклонению: и так было бы несомненно, если бы человек должен был всего, что он знает, достигнуть ясным мышлением; и если бы в нем гораздо более не властвовала без его сознания основная способность разума и новыми отклонениями от прямого пути формально и логически правильного рассуждения не возвращала бы его снова к единственно верному материально результату, которого он никогда не мог бы достигнуть посредством правильного умозаключения из неправильных промежуточных положений*; если бы чувство часто не исправляло через новое

отступление от прямого пути рассуждения старые заблуждения и не приводило его вновь туда, куда бы он никогда не возвратился через правильное умозаключение.

Следовательно, если и должно быть установлено общезначимое наукоучение, все же философствующая сила суждения будет в этой области работать для непрерывного его усовершенствования**, она всегда будет заполнять пропуски, оттачивать доказательства и еще точнее определять определения.

К этому я должен добавить еще два замечания: Наукоучение предполагает известными и значимыми правилами рефлексии и отвлечения; оно по необходимости должно это делать и не должно этого стыдиться или делать из этого тайну и скрывать это. Оно может выражаться и делать заключения совершенно так же, как и всякая другая наука; оно может предполагать все правила логики и применять все понятия, в которых оно нуждается. Но эти предположения делаются только для того, чтобы стать понятным, следовательно, без извлечения из них каких-либо заключений. Все доказуемое должно быть доказано — все положения, кроме первого и высшего основоположения, должны быть выведены. Так, например, ни логический закон противоположения (противоречия), который обосновывает все анализы, ни закон достаточного основания (нет ничего противоположного, что было бы не равно в чем-либо третьем, и нет ничего равного, что бы не противопологалось бы в некотором третьем), что обосновывает все синтезы, не выведены из абсолютно первого основоположения, но из двух покоящихся на нем основоположений. Оба последние, правда, суть также основоположения, но не абсолютные; в них только есть нечто абсолютное. Эти положения так же, как и логические покоящиеся на них положения, правда, должны быть не доказаны, но выведены. Скажу еще яснее. То, что устанавливает наукоучение, — это мыслимое и выраженное в словах положение; то в человеческом духе, что соответствует этому положению, есть некоторое его действие, которое само по себе вовсе не необходимо должно быть мыслимо. Это действие не вынуждает нас ничего предполагать, кроме того, без чего оно было бы невозможным как действие; и это предполагается не молчаливо, но обязанность наукоучения — установить это предположение ясно и определенно как такое, без которого будет невозможно действие. Например, пусть будет действие В четвертым в ряду, тогда ему должно предшествовать действие С и быть доказано как исключительное условие его возможности (возможности действия В*), а последнему, в свою очередь**, должно предшествовать действие В. Действие же А просто возможно: оно совершенно безусловно, следовательно, ему ничего не должно и не может быть предпослано. Но самое мышление действия А есть совершенно другое действие, которое предполагает гораздо больше. Положим, что это мышление будет в ряду установленных действий О, тогда ясно, что для него должны быть предположены А, В, С, и так как это мышление есть первое дело наукоучения, то они должны быть предположены молчаливо. Впервые в положении В будут доказаны предположения первого; но тогда будет снова предположено многое. Форма науки поэтому постоянно упреждает ее содержание, и это есть вышеуказанная причина, почему наука как таковая имеет только вероятность. Изложенное и изложение заключаются в двух различных рядах. В первом не предполагается ничего недоказанного; для возможности второго должно быть необходимо предположено нечто, что может быть доказано только впоследствии.

Рефлексия, которая господствует во всем наукоучении, поскольку оно есть наука, есть представление; но отсюда отнюдь не следует, что все, о чем мы рефлектируем, — также только представление. В наукоучении представляется Я; но из этого не следует, что оно представляется только в качестве представляющего*: в нем могут быть найдены и другие определения. Я как философствующий субъект — бесспорно, только представляющее; Я как объект философствования может быть еще чем-либо сверх того. Представление есть

высшее и абсолютно первое действие философа как такового; абсолютно первое действие человеческого духа, конечно, может быть иным. Что оно будет таким, это вероятно до всякого опыта уже потому, что представление может быть совершенно исчерпано, и его способ действия абсолютно необходим, а следовательно, должен иметь последнее основание своей необходимости, которое, в качестве последнего основания, не может иметь никакого высшего над собой. При этом предположении наука, достроенная на понятии представления, может быть в высокой мере полезной пропедевтикой к науке, но она не может быть самим наукоучением. Но из выше данных объяснений твердо вытекает, что все способы действия интеллигенции**, которые наукоучение должно исчерпать, могут достигнуть сознания только в форме представления — только в той мере и в том виде, в каком они представляются.

Представляется только интеллигенцией. (1-е изд.) * Человеческого духа. (1-е изд.)

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ГИПОТЕТИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ НАУКОУЧЕНИЯ*

§8

Абсолютно первое основоположение должно быть обще всему наукоучению, ибо оно должно обосновать не только часть человеческого знания, но все знание. Разделение возможно только через противоположение, члены которого, в свою очередь, должны быть равны некоторому третьему.

Положим, Я будет высшим понятием, и Я противопоставляется не-Я, тогда ясно, что последнее не может противопоставляться без того, чтобы быть положено, и притом быть положено в высшем понятии — в Я. Таким образом, Я подлежало бы рассмотрению с двух точек зрения: как такое, в котором полагается не-Я, и как такое, которое противопоставляется не-Я, и следовательно само полагается в абсолютном Я. Последнее Я должно быть, поскольку оба полагаются в абсолютном Я, равно в нем не-Я и в том же отношении ему противоположно. Это могло бы быть мыслимо только при условии чего-то третьего в Я, в чем оба были бы равны, и это третье было бы понятием количества. Оба имели бы количество, определяемое своим противоположным*. Или Я определяется через не-Я (по своему количеству); оно постольку зависимо; оно называется интеллигенцией, и часть наукоучения, которая говорит о нем, есть его теоретическая часть; она обосновывается на выводимом из основоположений и доказываемом ими понятии представления вообще.

Но Я должно быть определено абсолютно и безусловно через себя самого: если оно определяется через не-Я, то оно не определяет себя самого, что противоречит высшему и абсолютно первому основоположению. Чтобы избежать этого противоречия, мы должны допустить, что не-Я, которое должно определять интеллигенцию, само определяется через Я, которое в этом действовании не будет представляющим, но будет иметь абсолютную причинность. Но так как подобная причинность должна совершенно упразднить противоположащее не-Я, а с ним вместе и от него зависящее представление, то допущение ее противоречит второму и третьему основоположению, и она должна быть представлена как противоречащая представлению, как непредставимая, как причинность, которая не есть причинность. Но понятие причинности, которая не есть причинность, есть понятие стремления. Причинность мыслима только под условием законченного приближения к бесконечности, что само по себе немислимо. Это оказавшееся необходимым понятие

стремления кладется в основу второй части наукоучения, которая называется практической.

Эта вторая часть сама по себе — самая важная; первая, правда, не менее важна, но только как основание для второй и потому, что вторая совершенно непонятна без

Только понятия Я, не-Я и количества (предела) безусловно априорны. Из них выводятся через противоположение и сравнение все другие понятия.

О понятии наукоучени

нее. Во второй части теоретическая часть впервые получает свое определенное ограничение и твердое основание, поскольку установлением необходимого стремления дается ответ на вопросы: почему мы должны вообще представлять при условии наличности воздействия; по какому праву относим мы представление к чему-то вне нас как к его причине; по какому праву мы вообще принимаем совершенно определенную законами способность представления (каковые законы представляются не как внутренние законы способности представления, но как законы стремящегося Я, применение коих обусловлено воздействием противоборствующего не-Я на чувство). В этой части обосновывается новая, совершенно определенная теория приятного, прекрасного и возвышенного, закономерности природы в ее свободе, учения о Боге, так называемого обычного человеческого рассудка и естественного чувства правды и, наконец, естественное право и учение о нравственности, основоположения коих не только формальны, но и материальны. Все это — через установление трех абсолютов. Одного — абсолютного Я и самоданных законов, представимых при условии некоторого воздействия не-Я; другого — не-Я абсолютного, независимого и свободного от всех наших законов, представимого при условии, что оно выражает их положительно или отрицательно, но всегда в конечной степени; и, наконец, абсолютной нашей способности — определять меру воздействия Я и не-Я, — представимой под условием, что она отличает воздействие не-Я от действия Я.

Академическим гражданам, согражданином которых я считаю за честь быть в скором времени, известно из объявлений о лекциях, какие чтения я предполагаю вести о науке, понятие которой я здесь пытался развить; и я только могу им об этом сказать, что я надеюсь дать им для обеих ее частей печатное руководство на правах рукописи для моих слушателей*. Избранные мною лекционные часы я укажу после моего прибытия в обычном месте.

Я должен выяснить еще один вопрос.

Как вам, без сомнения, известно, науки изобретены не для праздного занятия ума и не для потребностей утонченной роскоши. В последнем случае ученый принадлежал бы именно к тому классу, к которому принадлежат все такие живые орудия роскоши, которая есть только роскошь, да и в этом классе его первенство было бы спорно. Все наше исследование должно идти к высшей цели человечества, — к облагораживанию рода, коего мы сочлены; от питомцев наук должна распространяться, как из центра, человечность в высшем смысле этого слова. Каждый прирост, который получает наука, умножает обязанности ее слуг. Поэтому делается все необходимее серьезно ответить на следующие вопросы: каково, собственно, назначение ученого? Какое ему отведено место в порядке вещей? В каком отношении находятся ученые между собой, к другим людям вообще и в особенности к различным отдельным сословиям последних? Как и какими средствами могут они всего лучше выполнить обязанности, налагаемые на них этими

отношениями, и как они должны подготовиться к этому умению? На эти вопросы я и попытаюсь ответить в своих публичных чтениях, которые я объявил под названием "Мораль для ученых"⁶. Не ожидайте от этих бесед систематической науки; недостатки ученых чаще обнаруживаются в действии, чем в знании. Позвольте нам скорее соединиться в эти часы как обществу друзей, которых соединяют более нежели одни узы, чтобы взаимно ободрять друг друга высоким, пламенным чувством наших общих обязанностей.